

Цена № 10 коп.

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 22

Скачка со «львом». Всадник скачет против ветра, стараясь, чтобы чехол принял форму льва.

"ЗиФ"

ВОКРУГ СВЕТА

1929 г. ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ № 22

6 р. в год за ежем. журнал „Всем. Следопыт“ с прил. 24 №№ „Вокруг Света“, 12 №№ „Всем. Турист“ и 12 многокрасочных табл. „Народы мира“ на обл. журнала. За границу подписная плата выше на 50%. За перем. адреса — 20 коп.

Редакция „Всем. След.“ и „Вокруг Света“: Москва, Пушечная, Лубянский пасс. пом. 63,

Подписка на журнал „Всемирный Следопыт“ (только г приложениями по 1 абон.) принимается: в конторе журнала (Москва, Никольская, 10) и по всех почтовых отделениях, а также письмонадателями.

Объявления в „Вокруг Света“ принимаются в конторе журнала (Москва, Никольская, 10, тел. 2-32-36); за строку пониж.—3 р.; за страницу — 1.750 р (сверх тарифа — госналог 10%). При многократ. печат.—скидка по соглаш.

10 р. в год журн. „Всем. След.“ с приложен. (сверх указан. слева) 24 книг **полного собрания Л. О. Д. О. Н. А.** (вторая половина, — первая половина, — вышедшая в 1928 г., — высылается за 1 р. 50 к.).

СОДЕРЖАНИЕ: Камса идет. Рассказ Аркадия Кончевского, п. Через пороги на Днепрострой. Днепровские очерки А. П. Романовского, п. Скачка со „львом“. Текст к рисунку на обложке А. П. Медовый клад. Рассказ-быль В. О. Нидуб, п. Всемирный калейдоскоп, п. Объявления.

КАМСА ИДЕТ

Рассказ Аркадия Кончевского

Цыган Велиша торопливо пробирался кривыми узенькими переулочками прибрежного аула. Высокий и жилистый, он широко шагал, перепрыгивая с камня на камень, — дорога шла круто вверх. Внизу бурлила горная речка, вдали синел Чатырдаг, покрытая снегом вершина его ярко сверкала на солнце. Северный ветер пронизывал дырявую куртку цыгана. Через несколько поворотов он был у входа в жилье; заглянув в маленькое оконце, увидел на кровати фигуру, покрытую чем-то, отчасти похожим на одеяло. Быстро толкнув дверь ногой, Велиша вошел в комнату.

Из-под лохмотьев показалась всклокоченная голова, за ней — могучие руки и богатырское тело. Спустив ноги на пол, потягиваясь и зевая, человек протирал заспанные глаза. Это был товарищ Велиши — атаман рыбацкой артели Ванька-Каин.

— Камса¹⁾ идет! Поднимайся живо! — сказал Велиша, усаживаясь на единственную скамейку. — Вчера Спирка был поздно на берегу и видал, как мартины стайками кружились, а сей-

час уже есть совсем верная указка: мартины и бетоны²⁾ прямо тучами над морем, и белобочка³⁾ бить начал.

— А где Спирка-Грек? — спросил очнувшийся при этих словах Ванька-Каин и стал поспешно натягивать сапоги.

— Спирка, Мишка и Мамут уже снастят баркас.

— Ну, так ты за хлебом гайда, а я камсерос⁴⁾ понесу.

Бетонами рыбаки называют бакланов.

³⁾ Белобочка — вид дельфинов, распространенный в Черном море.

⁴⁾ Камсерос — сеть для ловли камсы, куполообразная сверху, с открытым

— А полбутылочки можно взять? — заискивающе спросил Велиша.

— Нет, цыган, этого в море не надо, был уговор и шабаш.

— Ну, ладно, я заберу провиант, а ты пойдешь мимо Мишки — возьми аламан⁵⁾, — и Велиша вышмыгнул за дверь.

* * *

На берегу, у баркаса «Краснофлотец» работа кипела вовсю: забивали уключины, прифортывывали весла, ставили мачту. Море слегка волновалось: на нем показались «барашки», а короткие, но недобрые волны с шестом слизывали правый и прибрежный песок. Рыбаки торопились уйти в море до наступления темноты. Уложили сети. Велиша притащил провиант. Спирка-Грек спустил на воду баркас, и широкоплечий, с могучей грудью рыбак Михаил несколькими ударами весел оттолкнулся от берега; стоявший в баркасе, всегда улыбающийся Мамут потерял равновесие и

плюхнулся на дно. Спирка и атаман прыгнули в баркас уже из воды.

Ванька-Каин не один

нижним концом, у которого прикреплены кольца, через кольца продета персика, ею связывают сеть снизу, и рыба оказывается в мешке.

⁵⁾ Аламан — длинная открытая сеть.

Рыбак Михаил оттолкнул баркас от берега.

¹⁾ Камса — небольшая рыба из вида сельдей. Минувшей зимой и весной в несметном количестве камса подошла к южному берегу Крыма. В один день в Балаклаве было выгружено 320 тонн камсы.

«По-малу!» — командовал атаман, и рыбаки осторожно частями подтягивали камсерос.

год был атаманом рыбацкой артели. Сильный, отважный, опытный наметчик, он пользовался любовью и уважением товарищей. Когда в море их застигали штормы, они знали, что Каин всегда придет им на помощь. Море любил он какой-то особенной, страстной любовью и знал его прекрасно. Сидит Ваня, смотрит на море и будто книгу читает.

— Вон течение как сверкнуло, — и укажет нам извилистую, чуть заметную, бледноватую полосу. — Через час норд пойдет, к утру стихнет. Вечером вода, ух какая холодная будет...

И в самом деле, через час-два дул такой норд, что, даже на берегу не знали, куда деться от крутящихся в воздухе облаков пыли. А вода, как и предсказывал Ваня, с двадцати пяти градусов бултых до одиннадцати!

Каин сидел на носу баркаса и зорко осматривал даль.

— Ишь, куда Мандрила свой баркас загнал! — указал он на быстро пробиравшимся баркас рыбака, почему-то прозванного Мандрилой, и задумчиво продолжал: — Если его там ветер захватит, не выберется...

— Ми нимножка запоздался, — улыбаясь, сказал Мамут. — Алешка ушел, Кафалиди ушел, все ушел.

Действительно в различных местах моря виднелись баркасы.

— Вода холодная, и рыба на глубине, — заметил Спирка, вглядываясь в воду.

— Велиша, приготовь камсерос, — бросил атаман, и ловким взмахом руки свернул канат и швырнул его к ногам цыгана. Велиша быстро расправил сеть, мелодично перезванивая кольцами, прикрепленными к нижнему ее краю.

Солнце спускалось за Чатырдаг. Клубящиеся, белые с розоватыми краями облака плыли мимо гор, иногда спускаясь в ущелья.

Дул северный ветер. Похолодало. Рыбаки отошли в море уже на несколько километров. Атаман зорко вглядывался в поверхность воды. Его глаза улавливали легкую рябь, над которой с пронзительным криком реяли чайки. Ветер стих. Птицы лентой тянулись на запад. Рыбаков окружала морская, особая тишина. Временами она нарушалась всплесками волн от выпрыгивавших дельфинов. Звучные голоса перешли в полусшепот. Надвинулась ночь.

Длинной серебряной полосой светилось море у горизонта, и переливчатая лунная рябь протянулась к баркасу. Стайка куликов пронеслась над

водой, почти касаясь ее острыми крыльями. Море сделалось глубокого темного цвета; на поверхности его вспыхивали яркие лунные отблески. На фоне освещенного неба рыбацкие фигуры выделялись скульптурными силуэтами.

— Жги факел! — повелительно сказал атаман.

Мамут чиркнул спичкой, и баркас ярко осветился пламенем факела, по воде побежали бесчисленные золотые змейки.

— Варда! — и с правого борта с шумящим и ласкающим звуком, брошенный ловкой сильной рукой атамана, плавно пошел ко дну камсерос.

— Свети! Режь намет! — приказал атаман.

Велиша и Михаил стали быстро сворачивать вытягиваемую веревку. Кольца камсероса соединились у дна, и рыба оказалась в западне.

— Свинцы ^{*)} наверх тяни, Михаил! — отдал приказ атаман.

Словно рычаги точной машины заходили рыбацкие руки. У борта забурлило.

— Даешь камсу с помидорчиком! — радостно выкрикнул Спирка-Грек и стал вместе с другими вытягивать сеть.

Рыбы поймалось так много, что сразу втянуть сеть в баркас было невозможно.

— По-малу! — командовал атаман, и рыбаки осторожно частями подтягивали камсерос. Сквозь расширившееся отверстие лунным серебром потекла камса в баркас.

Всю ночь кипела работа...

— Шабашь! — сказал атаман, устало садясь на камсу.

— Почти полный груз, — заметил Велиша.

— Спирка, не спи! Держи на маяк! — крикнул Каин рулевому, а у самого от зевоты скулы сводило, при чем обнажался ряд ослепительно белых зубов.

Поставили парус, и «Краснофлотец» с попутным пошел быстро к берегу. Мамут свернулся калачиком поверх камсы, дрожа от предрассветного холода.

Огненно-красный край солнца показался над горизонтом. Метались чайки и буреветники, шныряли бакланы. Сотни разноцветных полос заколыхались по морской глади, задрожали, точно играя с отражавшимися в спокойной воде фиолетово-розовыми облаками.

^{*)} Свинцы — грузила.

— Красота!— сказал атаман и встал во весь рост в баркасе; ноги по шиколотку уходили в серебристую массу, руки — на могучей груди а лицо — к солнцу...

На берегу уже разгружали рыбу из ранее прибывших баркасов. Несмотря на бессонную ночь, лица были оживлены. Звенел смех; остроты так и резали воздух, пахнувший морем и рыбой

Только один Мандрила был насуплен и изощрялся в ругательствах: его постигло несчастье — не осмотрел веревку камсероса, продаваемую в кольца: она, не выдержав тяжести, оборвалась и вместе с первым уловом камсы ушла в глубь моря. Убыток большой — один камсерос сколько стоит!

То-и-дело подходили десятки нагруженных рыбой баркасов. Блестящие горы камсы лежали на пристанях. Десятки огромных ванн для засола, вмещающих по двенадцати, пятнадцати и более тонн рыбы, наполнялись доверху камсой.

* * *

Так продолжалось всю осень и начало зимы. Тяжесть работы осложнялась надвинувшимися холодами, небывалыми на Крымском побережье. Мороз достигал семнадцати градусов. Дул резкий норд-ост. Смоченная одежда леденила тело и сковывала движения. Привыкшие к штормам и всяким невзгодам, закаленные рыбаки изнемогали.

Тяжело приходилось татарину Мамуту.

— Вай, вай!— кричал он. — Совсем замерзая! Зачем жары нету? Мамут любит жарко, а мороз — тьфу!..

Спирка-Грек первый не выдержал стужи и слег в больницу. Его заменили в артели украинцем Сагайдачным, которого рыбаки сокращенно называли Гайдак. Сильный, но неуклюжий, он не мог заменить ловкого Спирку, да делать было нечего — время горячее, и выбирать не приходилось.

* * *

В январе «Краснофлотец» опять ушел в море. Гайдак сидел на веслах, они выгибались в дугу в его мускулистых руках. Рыбаки обменивались воспоминаниями и безобидно шутили.

— Слышал я, — говорил атаман, — что все люди на зверье похожи, так по-моему Гайдак на тюленя смахивает.

Сагайдачный не обижался, а лишь спрашивал, ухмыляясь:

— А ты його бачив?

Но вот рыбаки пришли к месту лова. С закатом стало особенно холодно.

— Что-то не по душе мне вон те свинцовые облака над горами — раздумчиво сказал атаман. — Как бы нам не попасть в лапы шторму...

Тяжело было работать, но удачный лов поддерживал бодрость. В девять наметов баркас наполнился крупной первосортной камсой.

— Шабашь! На сегодня довольно, — сказал Каин.

— Что ты, Ваня, нынче такой невеселый?—спросил Михаил.

— Погода мне не нравится. Гайдак к берегу, пока маяк видно.

— Так он до утра виден будет, — вставил Велиша.

— А я так думаю что через час ты его уж не увидишь, — сказал Ванька-Каин и замолчал.

Рыбаки пристально всматривались в морскую даль и в побелевшее небо, но не могли уловить тех примет, которые тревожили атамана. Ветер стал крепчать, и вдруг крупными хлопьями повалил снег.

— Началось! А ну, ребята, наляжете на весла!

Метель разыгралась во-всю. Рыбаков ослепляло снегом. Пронизывающий норд-ост усиливал зыбь; одежда обледенела. Сперва рыбаки плыли по направлению ветра, но скоро он сделался неопределенным: со всех сторон дуло, крутило, мело. Баркас захлестывало водой. У Гайдака сломалось весло.

— Парус ставь!— выкрикнул Ванька-Канн и бросился к мачте

Трудно было справиться с большим полотнищем — его метало и рвало. Мгновенье — баркас накренился, и вода хлынула через борт.

— Простай баркас!— крикнул атаман. Зычный рев его был еле слышен. Рыбаки ведрами черпали рыбу, с ожесточением выбрасывали ее за борт. Сплошная снежная пелена застлала все кругом. Баркас метало как щепку.

— Держи вразрез!

Водной лавиной ударило в борт «Краснофлотца».

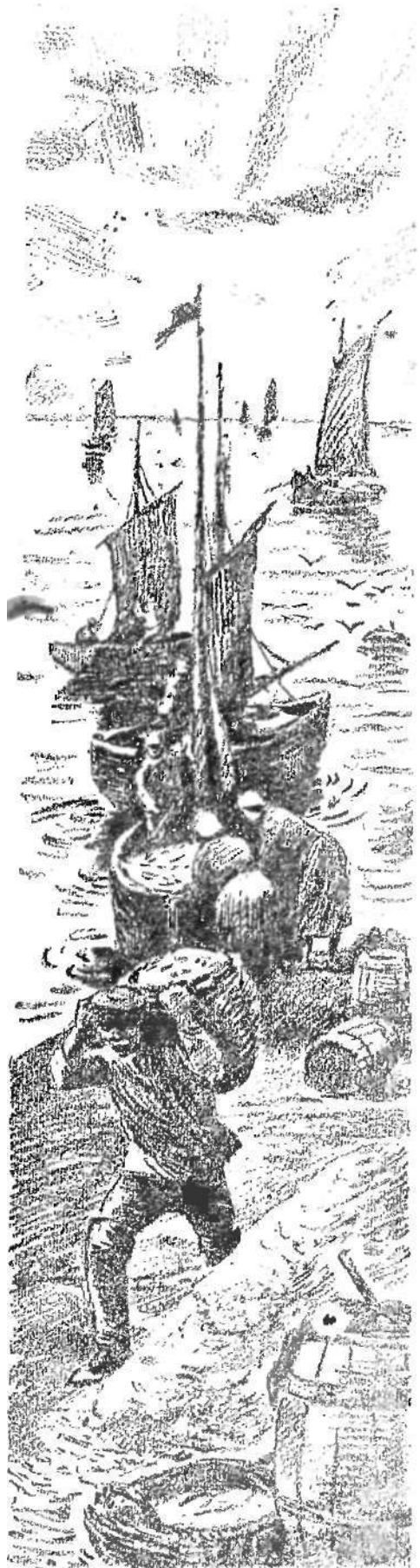
— Эй, на руль!— гаркнул Каин. — Руки затекли...

Ведший бросился к нему на помощь по дороге свалился и, ползком добравшись к рулю, обхватил его дрожащими руками, еле удерживая.

Налетел новый шквал. Парус рвануло. Треск — и мачта с полотнищем паруса прилипла к воде, накрыв атамана и Сагайдачного.

— Режь концы!

Накренившийся баркас заливало водой. Каин выхватил нож, полоснул

На берегу разгружали рыбу из ранее приплывших баркасов

полотно, высвободился из паруса и стал разматывать Гайдака.

— Ой, матынько! Ой, пропадаем!..

— Молчи, Гайдак!.. Еще одно слово и — за борт!..

Изнемогали. Расширенные от страха глаза захлестывал снег; обледенелая одежда не давала возможности двигаться. Руки опускались у рыбаков, не раз встречавших бурю на море, и только один Каин был непреклонен в борьбе со стихией. Он снова был у руля. Смахивая свободной рукой снег, слепивший глаза, упорно смотрел в даль. Временами поднимал руку — измерял силу и направление ветра.

Никто из рыбаков не знал, куда несло их баркас... И вдруг штормовые валы пошли как будто на убыль.

— Ваня, мы попали в какую-то бухту, — с бодрой радостью в голосе сказал Михаил.

— Я попал, а не «мы попали», — жестко ответил Иван.

В этот момент баркас ткнулся во что-то твердое.

— Мамут, есть факел? — спросил атаман.

— Какой факел! Все спичка тоже мокрый, — отвечал дрожащий от холода татарин.

В бухте было совсем тихо. Ощупью продвигался баркас. Велиша лежал на носу и веслом проверял ход, лавируя между прибрежными скалами.

— Стой! — закричал он. — Пещера!

— Бросай якорь! — приказал атаман.

Загремела цепь, и якорь, ударясь о камни, пошел ко дну.

— Здесь будем ждать света, — сказал Каин, расправляя утомленные руки. — Ну, Гайдак, — обратился он к перетрусившему украинцу, — не пропали пока, а дальше посмотрим.

— А я ось нащупав серники в жилетце... — как бы затирая неприятный разговор, сказал Сагайдачный.

— Чего ж ты молчишь, чортова перешница! А ну, чиркни! — весело выкрикнул атаман.

Сверкнул огонек, но набежавшим порывом ветра его сразу задуло. Сагайдачный вновь зажег спичку, закрывая ее полой куртки, но она опять потухла.

— Не трать больше, Гайдак. Надо что-нибудь придумать, — сказал Ванька-Каин. — Мамут, около тебя под обшивой есть кусок мачты, дай сюла... Да живей поворачивайся!..

— Ни могу, Ваня, ей-богу ни могу, очень обморозился, рукам больно... — стуча зубами, пробормотал Мамут.

Атаман подполз к знакомому месту, и в его могучих руках затрещало разламываемое дерево.

— Гайдачок, сколько у тебя спичек? — спросил он.

— Та мабуть с десять буде.

— А ну, чиркни, да осторожней.

Атаман поднял со дна баркаса факел, сильно потряс его и поднес к спичке. Факел стал тлеть. Пещера наполнилась едким дымом. Приложив к горевшей тряпке несколько щепок, Каин дул изо всех сил, ему помогали товарищи.

— Не робей, ребята, есть огонь! — радостно воскликнул атаман, глядя ваясь в пещеру.

С потолка ее свисали сталактиты, и огромные капли на их концах сияли опалами. Встревоженная летучая мышь метнулась к свету, покружилась над рыбаками и юркнула куда-то в темноту.

* * *

Рассвет застал рыбаков в пещере. Они сидели, плотно прижавшись спиной друг к другу. Кто-то похрапывал. Зародившийся день не принес радости. Море бушевало, завывал ветер.

За ночь навалило пропасть снега, покрывшего толстым слоем корму баркаса.

Из пещеры рыбаки поплыли к пологому берегу, надеясь найти дорогу в ближайший аул, чтобы достать хлеба. Нашли удобное место для причала. На поиски провианта отправился сам атаман, так как у него одного были сапоги на ногах. Прошел он шагов двести, провалился по пояс в снег и повернул обратно к баркасу.

— Нельзя итти, надо выждать, — сказал он товарищам, влезая в баркас. — Давайте, братцы, возьмем немного правее, оттуда лучше берег виден, может кто проедет.

Оттолкнулись, отплыли немного. Вдруг Ванька-Каин вскочил, вытянул шею и как охотничья собака стал нюхать воздух.

— Что, Ваня, море нюхает? — улыбаясь, спросил Велиша.

— Нюхаю... дымом несет. А ну, бери за скалу, — приказал атаман.

За поворотом уже все рыбаки ощутили запах дыма.

Мачта с полотнищем паруса прилипла

— Вот она!— воскликнул атаман. Он заметил припертую к скале хижину, из дырявой крыши которой синей струйкой вился дымок.

Поставили баркас на якорь. Берег в этом месте был очень крут. С большими усилиями, скользя и ежеминутно падая, карабкались к избушке. Велиша первый влез в отверстие, заменяющее дверь. На полу, у потухшего костра тлел большой кусок полусгнившего дерева. В помещении никого не было.

— Кто был — ушел до снежной бури,— заметил Каин. — У входа нигде никаких следов не видно. Но ничего, будем с огнем, вон из стенок деревяшки торчат.

По расчетам атамана баркас отнесло километров на шестьдесят. Рыбаки решили отсиживаться на берегу, в хижине. Питались камсой, пили воду, растапливая снег. Поочередно дежурили. На шестой день заметили верхового. Стали ему кричать и свистеть. Проваливаясь по брюхо лошади, верховой добрался до хижины.

— Привези хлеба и получишь мешок камсы,— сказал Ванька-Каин.

Предложение было заманчиво, и через несколько часов хлеб был доставлен. Истощенные рыбаки с жадностью на него набросились.

Прошла еще ночь, и вот свинцовые облака, покрывавшие в последние дни небо, стали расходиться, и сквозь них прорвалось яркое солнце. Снег быстро таял. Море успокоилось, и рыбаки двинулись домой.

Их считали уже погибшими, и неожиданное появление артели у родного берега всеми было встречено радостно.

— Кто-нибудь не вернулся из рыбаков?— спросил Ванька-Каин, выпрыгивая из баркаса в объятия брата.

— Баркас Мандрилы погиб в первую ночь бури, и его самого выбросило около Карабуруна...

Ванька-Каин снял шапку и несколько минут простоял в глубокой

задумчивости. Остальные также обнажили голову.

— Да, не любит море шутить и жестоко расправляется с теми, кого кормит. Эх!...— закончил Каин, напяливая кепку на курчавую голову.

Отдохнув, рыбаки снова взялись за свое трудное дело. Спирка-Грек выздоровел и присоединился к артели.

— Может кто другой атаманом будет?— спросил Ванька-Каин, когда после аварии артель в первый раз выходила в море.

— Нет, Ваня,— в один голос заявили рыбаки,— кабы не твоя голова и руки, мы давно бы уже на дне моря крабов кормили. Оставайся ты атаманом.

— Ну, спасибо, ребята!— с гордостью в голосе сказал Ванька-Каин. — Давайте еще дружнее поработаем. Отлежаться и отогреться хватит времени, а теперь гайда в море — камса идет!..

, накрыв атамана и Сагайдачного.

ЧЕРЕЗ ПОРОГИ НА ДНЕПРОСТРОЙ

Очерк А. П. Романовского

Рисунки худ. В. Щеглова

1

Равнодушный лоцман. — Ненасытен.. — Два «кресла». — Пекло. — Над пучиной.

Старый Коваленко, за свою жизнь раз пятьсот проехав через пороги, не только отчетливо знал все камни и заборы, но даже мог сказать, в какое время, в какую воду тот или иной камень поднимается над поверхностью реки, если он покрыт водой, то когда его нужно обходить и когда можно пройти над ним и на каком судне. Но, будучи осторожен и внимателен в своем деле, он был совершенно равнодушен к зрительным и звуковым эффектам порогов и, казалось, даже не воспринимал их с этой стороны, как мы не замечаем домашних обиходных вещей. Поэтому, когда мы, приезжие, в шумах Звонецкого порога старались уловить оправдание его вековому названию, Коваленко наставительно продолжал прерванный разговор:

— Колы заварить ржавое жализо, богато помогае собакам от бишенства...

А кругом было на что посмотреть. Вот село Звонецкое, крепко вросшее в бугор,— оно известно с 545 года нашей эры. Вот пониже — села Алексеевка и Воронье, они через два года перестанут существовать: их целиком зальют днепровские воды.

Мы приближались к Ненасыпецкому порогу, заслужившему грозную славу.

Справа все береговое взгорье усеяли хаты села Никольского. Подплывая, мы испытали некоторое разочарование: «Деда порогов», протянувшегося больше чем на километр, не было ни слышно ни видно. Но через минуту все раз'яснилось. Ветер, подувший сзади, унес шум порога вперед, а видеть его было невозможно, так как Днепр здесь представляет собой лестницу, падающую вниз на пять с половиной метров. Причаливая к берегу, мы заметили впереди, из-за линии спада воды прыгающие космы порога. Это было зловещее зрелище: будто там скакали дикие кони или стоял гигантский котел с кипящей водой. Невидимое за линией горизонта дополнялось воображением до чудовищных размеров. В приподнятом настроении мы высадились из лодки и берегом отправились на скалу Монастырек.

Уже с береговой гранитной террасы открылось нам бушующее поле Ненасытца.

Суровое же ложе заготовила здесь природа для реки. Она набросала в него тысячетонных камней, вырыла бездонные ямы, стеснила с боков горными отрогами. И «старый Днепр» заревел. В припадке ярости ринулся он на грозные преграды, сорвался и полетел вниз по гранитным ступеням. Могучие камни в лохмотья изорвали его гладкие одежды, клочья седых во-

Пекло — одна из страшных лавин Ненасытца.

лос повисли на каждом подводном клыке. Двенадцать пенных лавин исполосовали его от края и до края. И горе тому лодману, рука которого дрогнет в решительную минуту!..

Скала Монастырек отделяется от правого берега остатками Фалеевского канала. Чтобы попасть на нее, надо пройти через мельницу, мимо грохочущего шестиметрового колеса, с которого льет непрерывная золотая капель, по мостику над стремительным потоком и подняться по расщелине на отвес. Скала имеет две вершины, между ними — седловинка, поросшая травой. Обе вершины обрываются к порогу отвесно, но в стене имеются площадки, и если посмотреть на них в профиль, они имеют вид двух гигантских кресел, поставленных у самой пучины порога.

С переднего, наиболее величественного утеса, носящего название Кресла Екатерины, вся изрытая, пенистая, грохочущая лава воды видна сверху донизу. У подножья Кресла Екатерины бушует одна из страшнейших лавин Ненасытца, известная под именем Пекла. Трудно передать, что творится в этом адском котле. Мощные перепады потоков, головокружительные ямы, мокрые лбы гранитов, обрамленные пеной, черные бездны между ними, шипение, гул и рев воды—все это ошеломляет непривычного зрителя.

Мы спустились с Кресла Екатерины на одну из глыб, торчащих из пучины. Здесь пришлось сначала пригнуться к камню и ухватиться за него, чтобы взять себя в руки и совладать с головокружением. Первое впечатление такое, будто вы попали в водяную яму. Стена ямы — бешено крутящиеся валы, которые словно стремительно летят на вас. Когда постепен-

но оглядываетесь, то видите, что вы находитесь не в яме, а на склоне ступенчатой водяной горы. Мимо скачут стеклянные горбы и мелькают белые крылья разъяренной стихии. Гул и грохот свинцом наливают голову. Сосед, словно потеряв

голос, беззвучно двигает губами. Если на минуту только забыть, то кажется, что вы сидите на необузданном коне, и он несет вас по стремительным безднам. Рядом с Креслом Екатерины—другое «кресло», раза в два поменьше. Оно посвящено украинскому певцу Шевченко. По преданию, здесь он вдохновлялся дикою красотой Ненасытца и писал свою поэму. Скала Монастырек вся до последнего камня—история. Она как кладовая собрала с веков и сохранила дань имен, жизни и воспоминаний. Возвращаясь на лодку, мы долго видели эту скалу, нависшую над порогом и соединившую своими вершинами два столь несоединимых имени.

II

Блестящий маневр. — Рыбные станции — Днепровские «индейцы». — Собрат из пасти порога. — Молодая жертва. — На новые места.

Отчалив от берега, Коваленко направил лодку немного назад, ко входу в канал. Течение задолго до порога становится стремительным, так что кроме основного здесь устроен предварительный, направляющий канал. Если бы не было Нового хода, то Ненасытец был бы сейчас непроходим, так как Козацким ходом, то-есть открытой серединой реки, можно пользоваться только в высокую воду.

В древности Ненасытец представлял собой грозную степную ловушку, для преодоления которой требовались сотни, а может, тысячи людей. У купцов была двойная забота: и от печенегов обороняться и с рабов-гребцов цепей не снимать во избежание бунта.

Нашу лодку вскоре приструнило. Старый Коваленко озабоченно крикнул сыну:

— Потяны, потяны! ¹⁾.

Через некоторое время мы завернули в канал, который проложен слева от фарватера. И сразу же перед нами замелькали тесанные плиты гигантских дамб. Вмиг мы пролетели направляющий канал. После него небольшой перерыв—и мы вошли в основной. Это была бешеная скачка. Дамбы вихрем уходили назад. На перепаде Сцикухе нас обдало пеной. Метровый волнобой яростно метался по коридору. Лодка явственно шлепала вниз со ступени на ступень и неслась со скоростью четырех метров в секунду.

Казалось, ничто в мире не могло нас задержать в этом стремительном полете. Но такая сила нашлась в лице старого лодмана. Коваленко сквозь рев порога что-то прокричал нам. В следующую минуту мы не сомневались, что терпим аварию. Наша лодка круто повернулась и встала поперек протока. Волнобой сбросил ее с перепада и накренил. Еще секунда—и она хлебнула бы до бортов. Но не успела эта секунда наступить, как лодка резким толчком повернулась против течения и забила левым бортом о гладкую стену дамбы. В то же мгновение молодой гребец сделал ловкий прыжок на дамбу и завел лодку за выступивший из стены камень. Все это произошло в несколько секунд. Наши чувства тоже проредались невероятным скачком от катастрофы к радостному изумлению. Таков был блестящий маневр старого лодмана.

Один за другим вылезли наверх, на каменную дамбу. Это было монументальное сооружение в семь метров ширины, нечто вроде римской военной дороги, проложенной через ревущие скаты порога. Грубо тесанные глыбы в некоторых местах разлезлись, выползли из своих гнезд, но это только сверху—под первым рядом незыблемо чернел следующий. По другую сторону каменного горба мы снова увидели бушующие спады и камни, похожие на утесы.

На дамбе расположились группы рыбаков: одни из них вяло и выжидательно лежали па камнях, другие бродили вдоль края с большими сачками. Порог здесь—друг рыбака. Рыба, попадая в разоренный волнопад, растерянная и ошеломленная, ищет прикрытия и передышки под первым попавшимся камнем, у каждой защищенной стенки. Все эти рыбные «станции» у рыбаков на примете. Время от времени они обходят их и выгребают оттуда измученных рыб. На наших глазах рыбак вынимал за раз кило по два—по три трепещу-

¹⁾ Приударь веслами!

шей серебряной добычи. И так он продолжал минут пять, потом снова перерыв, необходимый для заполнения рыбных гнезд.

Предприимчивая молодежь искала и здесь риска и схватки. Раздевшись, в одних трусах, ребята по-трое садились в лодки и летели через пену и ямы в самую пасть порога. Там они выпрыгивали на камни, а затем одни держали прыгающие лодки, а другие занимались рыбной ловлей. Против солнца их нагие тела рисовались четкими силуэтами; они сновали вперед и назад над пучиной, размахивая руками и сачками, и напоминали краснокожих ловкостью и отвагой. Казалось, не было предела их презрению к опасностям порога. С ловкостью коз они прыгали с камня на камень, а иногда, нащупывая ногами под водой продолжение камня, лезли по колону в стремительный поток, дугой перехлестывавший через невидимые глыбы. Трудно сказать, чего тут было больше — дерзости или привычки.

А минут через пятнадцать толпа ребят обступила Заславского, разглядывая наброски в его альбоме, и один из «индейцев», сверкая голубыми глазами, коротко сообщил нам:

— Я тоже рисую и рассказы пишу!

Мы шумно приветствовали собрата, только что вылезшего из пасти Ненасытника. — мы не сомневались, что его здоровое тело и смелый дух нальют бодростью и его перо.

Рыбаки дружно, запросто жили с грозным порогом, но они же рассказывали нам, что седой «Дид поригов» не долюбивает нашего брата, заезжих людей. Не дальше как накануне нашего приезда он схватил новую молодую жертву: это была киевская учительница, которая захотела показать свое молодечество и купалась в неуказанном месте. Нам грустно было услышать о ее смерти, так как два дня назад мы видели ее бодрой и цветущей на площадке волейбола в Днепропетровске.

Со смешанным чувством мы уплывали от Ненасытника: с одной стороны, он поразил нас своей дикой красотой и необузданной мощью, но с другой — много было отрадного в сознании, что гигант Днепрострой, растущий у Кичкаса, навсегда похоронит его в водах Днепра и тем отомстит Ненасытцу за его вековые обиды человеку.

Ниже порога зазевавшемуся лощману снова грозит коварная засада из камней. Тут встает из середины Днепра пустынный остров Голодайка, о котором говорят, что если попадешь на него с плотом или баркой —

голодать будешь. Здесь же подставляет свою острую грудь Ластивина Стрилица, на которую плот несет с быстротой ласточкина полета. Часа через полтора мы слышали резвого, шаловливого Онука — Волнижский порог.

Приближался вечер. Солнце уже перевалило на правый берег. Скалистая сторона нахмурилась темной бровью. Бурный порог выглядел сурово в темносиних и мутных тонах, по которым сверкали зигзаги пены. Днепр застилало вечерней дымкой. Надо было подумать о ночлеге. У села Волнижского Коваленко причалил к берегу.

На рекогносцировку отправились я и старый лощман. Едва мы поднялись на крутую береговину, как перед нами предстала унылая и неприветливая картина запустения: весь нижний ряд хат стоял в руинах. Мы шли по улочке, как по вымершему местечку: на дворах не было слышно голосов, окна зияли выдавленными глазницами, штукатурка и мусор кучами лежали около стен, а вместо крыш торчали поджарые ребра стропил. На мой недоуменный вопрос Коваленко коротко проворчал:

— Переселяют.

Тут-то я вспомнил, что мы в преддверии Днепростроя. Несомненно, эта местность после окончания плотины окажется под водой, следовательно и руины эти не призна к упадка и разорения, а символ будущего благо-

получия и расцвета всего края¹⁾. Мне приходилось слышать, что большинство крестьян осталось довольно переселением. Советское правительство заботливо и щедро помогло населению перебраться на новые места. Это переселение должно облегчить жизнь и труд крестьянству. До сих пор землеробы ездили на свои поля в степь, километров за пятнадцать-двадцать пять от Днепра. Они должны были возить с собой бочки с водой, так как летом в степи речки пересыхают, а колодцы рыть бесполезно: вся степь представляет собой огромный гранитный плац, на котором лежит небольшой слой чернозема. Днепровская плотина по балочкам и оврагам подаст крестьянам воду к их новому жилью и полям, а кроме того, вода, просочившись между каменным полом степи и почвенным наносом, щедро насытит и крестьянские колодцы. Для Среднего Приднепровья начинается полоса новой жизни.

Мы с Коваленко завернули в боковую улочку, жилую. Надо было видеть

1) С окончанием днепровской плотины будет залито 14 сел целиком и 27 сел частично. На переселение крестьян отпущено 7,5 миллионов рублей.

Лодка повернулась и стала поперек протока.

старого лоцмана, как он проходил селом. Ему не только были все знакомы, но, казалось, все село состояло из его родственников или близких друзей. Он с каждым перекидывался несколькими словами, знал всех по именам и был в курсе мелочей жизни каждого двора, — будто весь поселок был его огромной семьей, а он патриархом шествовал по дороге.

Встретив какого-то знакомого дядьку, Коваленко стал сговариваться о ночлеге. А часа через полтора мы лежали в клуне¹⁾ на ворохе пахучего сена. Открытые ворота были словно задернуты темной занавеской с золотыми узорами. С Днепра долетали далекие шумы. Густая темень и покой разлились по земле. Эта близость к широкому величавому миру в последний раз необъяснимой радостью согрела кровь, — и потухшее сознание покрыл сон.

III

Гранитная бочка. — Драенье плотов. — Бревенчатый тын на пороге. — По следам татарской переправы. — Перун. — Волчье Горло

Волнижский порог заслужил свое название. Волны здесь, как отара насмерть перепуганных овец, мечутся во все стороны: они скачут на камни, друг на друга и, кажется, выпрыгнули бы из реки, будь берега ее пониже. Не даром даже рыба не может сладить с таким беспорядочным волнением. Этим пользуются рыбаки. В начале мая здесь идет сельдь, но так как она не может одолеть порога, то направляется в канал. Она проходит в таком несметном количестве, что заполняет весь проток, и вода в канале становится черной от рыбьих спин. Рыбаки устраиваются в две шеренги на дамбах. Ловят фатками, и каждый вытягивает зараз кило по пятьдесят. Сладить с таким уловом им помогает сама природа. В прибрежном гранитном разломе есть огромная выемка, сообщающаяся с рекой узким протоком. Эта яма и служит рыбакам бочкой, в которой происходит засол сельдей.

Утлом, любуясь на непрерывный и такой странный в тихую погоду волнобой порога, мы прошли немного вдоль берега. Впереди, в курящихся далах Днепра, маячили три плота. Каждый из них шел па буксире, только «дубы»-буксиры видимо оттягивали их назад приближался порог. Вся артель с первого плота находилась на «дубе». Лихорадочно опускались шесть-семь пар весел. «Дуб» шел

в сторону и немного назад. Начался маневр. Он заключался в том, чтобы, задерживая и оттягивая плот, направить его в канал. Едва на «дубе» достигли нужной точки, сразу с кормы и носа ухали в воду два огромных якоря. Канат, соединявший плот с «дубом», натягивался как струна. Плот медленно и неохотно повиновался. А на «дубе», ритмично и враз качаясь вперед и назад, люди снова тянули якоря, чтобы завести «дуб» в другую сторону. Это называется «драить плот».

За первым плотом с такими же предосторожностями прошел и второй. Но с третьим случилось что-то неладное. В решающую минуту плот и «дуб» внезапно отскочили друг от друга — видимо лопнул соединявший их канат. На «дубе» засуетились, поднимая якоря. А плот потянуло вперед. На нем остались два человека. Ударившись об один из камней перед дамбой, плот стал поворачивать вправо, мимо канала.

Рискуя сесть на камень, «дуб» ринулся в погоню. Через минуту с него бросили веревку, чтобы спасти людей. Гребцы попрыгали с плота и скрылись в пене. Никакая человеческая сила не могла уже теперь остановить плот. Увлекаемый чудовишной тягой, он стремительно неся на клыки порога. На первой же преграде передний ряд бревен с легкостью хворостинок встал

«на попа». На мгновенье посреди порога вырос шестиметровый бревенчатый тын. Потом он рухнул, рассыпался, и бревна как спички запрыгали в волнах.

От разрыва плота с «дубом» до катастрофы прошло не больше пяти минут. Плата в несколько сот бревен больше не существовало. Это значило, что целая артель человек в двадцать разорена, так как сплавщики платят по договору большую неустойку за каждую пропавшую колоду. На протяжении километров двадцати мы нагоняли потом остатки разбитого плота. Плотовщики, измученные и озлобленные неудачей, гонялись за бревнами на легких челнах и подтаскивали их к берегу, чтобы восстановить растрепанный плот. Коваленко кричал им:

— Богато поломали!

Но оттуда молча отмахивались. И было от чего сокрушаться, — таких бревен в степях не найдешь, не купишь, их родина — берега живописнейшего Сожа, километров за тысячу от порогов.

Подплывая к Будиловскому порогу, мы догнали те два плота, которые видели утром. При входе в канал около них снова началась напряженная работа. «Дубы» бросались то назад, то в сторону. С визгом разматывались цепи с якорями. Лоцманы покрикивали:

— А ну, живо, хлопцы!

Они помнили стародавнюю поговорку-примету: «Промынувши Диду и

Бревенчатый тын рухнул, рассыпался, и бревна как спички запрыгали в волнах.

¹ Клуня — молотильный сарай.

Онука¹⁾), не лягай спаты, а то Будило забудеть».

Берега уже давно начали повышаться, а вскоре за Будиловским порогом впереди показались настоящие горы, и Днепр исчезал за каменным поворотом. Слева высокий берег курчавился грушевыми посадками, справа высился пустынный обрывистый остров Таволжаны, а впереди темнело скалистое темя острова Перуна. Мы решили высадиться на Таволжанах. Остров справа отделяется от берега небольшим протоком, который летом можно перейти вброд. Через

Мы долго любовались этой игрой природы. Между прочим, строение Перуна характерно для всех днепровских островов: впереди — камень, сзади — наносы, от величины лба зависит и величина острова. Туловище Перуна затянуто травянистым покровом. В гранитной голове находится Змиева пещера, которая открывается только в низкую воду.

Пробыв на Таволжанах часа два, мы сели в лодку. Коваленко ворчал:

— Витер напротив — погано.

Снова навстречу нам выступали острова и камни — и каждый со своим

на левую гранитную глыбу и пролетели под самым ее навесом. Затем лодка пошла наискось и, выходя из ворот, заплясала, тщетно ища выхода из кольца беспорядочных волн, обступивших ее наподобие стаи разъяренных волков.

В этот момент сквозь неистовый рев воды послышался другой, ворчливый гул, будто от землетрясения или дальней грозы. Но небо было чисто. Гул повторился еще и еще. На этот раз отчетливо послышались толчки в воздухе. Стало ясно, что это взрывы. Там, за гранитной грядой ворочался титан-

Против Таволжан вытянулся остров Перун

Таволжаны в древности пролегла татарская переправа.

Оставив своих спутников на берегу, я отправился вглубь острова. Он яйцевидной формы. В низких местах устлан желтовато-зеленым молочайником. Кое-где кудрявыми кучами рос кустарник с красными кистями семян, желтыми свечами его пронизывала девена. Но растительный покров тут и там разлезался и лысел, обнажая граниты. Посреди острова стекляно болотистое озерко. В соседних кустах одиноко утутукал удол.

Я повернул к левому берегу. Здесь, у гранитного отвеса я снова остановился. Закованный в высокие берега, внизу стекляннм конвейером уходил Днепр. По его лицу расходились тихие величавые струи. Против Таволжан вытянулся остров Перун. С первого же взгляда поражаешься сходством его очертаний с фигурой лежащего человека: впереди — огромная гранитная голова, дальше — пережатиная шея, потом — наносные бугры груди и живота, и кончается остров низенькой песчаной косой ног, — будто в Днепр опущен колоссальный саркофаг.

¹⁾ Дил и Онука — Ненасытецкий и Волнижский пороги.

именем, своей драмой и жертвами. Вот камень Полтавец. На него села шаланда человек на сто экскурсантов-полтавцев и разломилась надвое. Люди, в панике сплетаясь по двое — по трою, клубками шли ко дну. Около половины погибло, остальные выплыли на остров Орлиный, который лежит немного ниже по течению. Не пожалеют, вероятно, окрестные жители, когда поднывшие днепровские воды навсегда покроют эти камни, этот сплошной свиток смертей, расправ и катастроф...

За порогом Лишним, нам осталось пройти еще девятый и последний Вильный порог. Мы высадись на берег. Последний раз с высоты мы взглянули на изрытое, искаженное мукой лицо Днепра. Было радостно от мысли, что веками тянувшаяся болезнь реки Судет излечена в наши дни.

Коваленко решил под конец рискнуть и потешить нас: он повел лодку не каналом, а через Волчье Горло. Так называется короткий, но бурный проход между двумя скалами, которые образуют в пороге некоторое подобие ворот. Вещи были заново уложены и закреплены. Нам был дан приказ не вскакивать, что бы ни случилось. Мы отчалили. Сначала с захватывающей дух быстротой мы неслись

Днепрострой и громко салютовал новой жизни. До Днепростроя оставалось десять километров. Волчья стая завывала позади...

IV

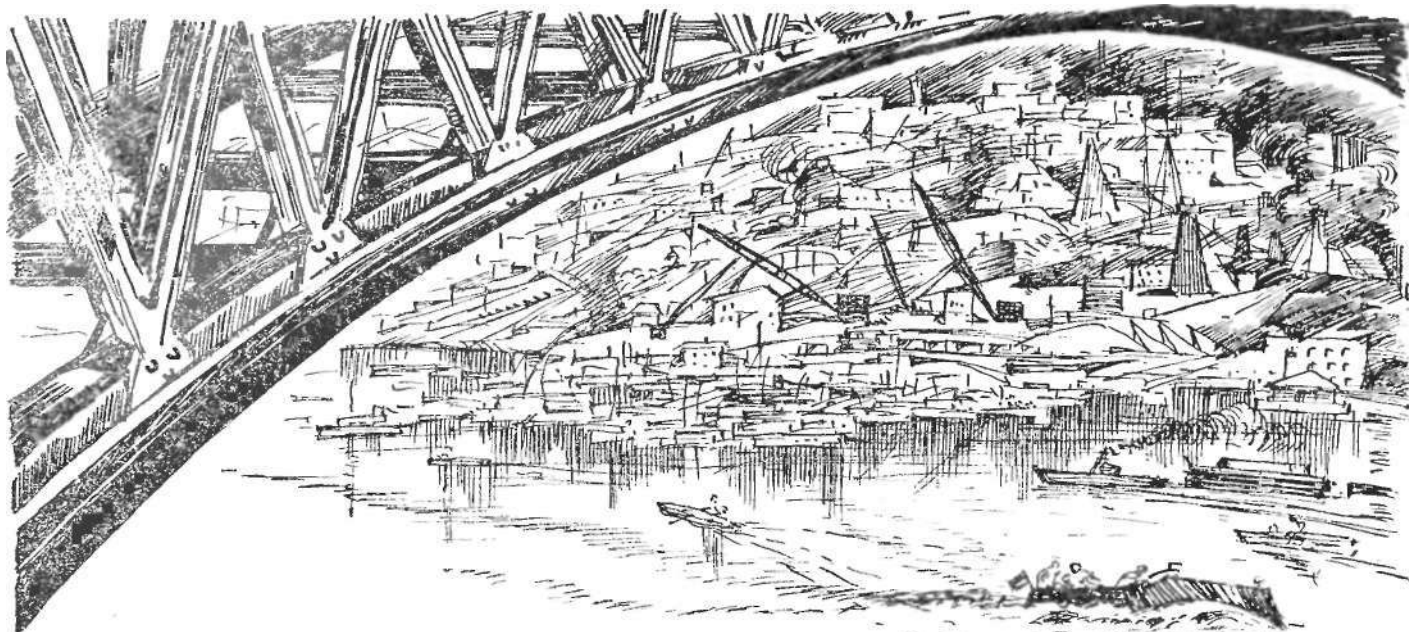
Опасная Школа. — Ворота в будущее. — Путешествие телки по воздуху, воде и земле. — Плот пошел ко дну. — Хитрый маневр на суше.

Мы покидали страну прошлого. Впереди, на приднепровских гранитных увалах столбом маячила кичкасская водокачка. Ухали взрывы. Наши чувства и мысли постепенно переключались на новый лад, — воображение рисовало картины индустриального будущего.

Лицо Днепра очищалось. Камни реже торчали из его глубин. Справа прошипела как змея последняя Явена забора. Нас заинтересовало это название. Оказалось, что какой-то лоцман сел с плотом на эти подводные зубья и, очевидно, желая оправдаться перед хозяином, а скорее всего с крутого похмелья, простоудно удивлялся:

— И откуда она, чортова забора, явилась?

Ну, а раз по милости чорта явилась, не выкинешь ее из Днепра, так и

Окутанный сизовой дымкой к реке спускался величественный амфитеатр строительства

осталась забора «Явленной». Ее камни притаились под самой поверхностью, видны были даже их очертания, потому что вода, стремительно перекачиваясь через них, поднималась в этих местах небольшой припухлостью, будто здесь тесто всходило, пузырилось и шипело. Мы плыли сторонкой, но старый лоцман опасливо покосился на шопотливую коварную забору и буркнул сыну:

— Тяны, Хведор, тяны!

«Явлену» прошли благополучно

Берега Днепра сдвигались и суровели, новая массивная складка вставала на его пути. Мы были озадачены: впереди отчетливо обозначился тупик, и как мы ни шарили глазами по его гранитным откосам, нигде не могли разглядеть продолжения реки. Это было странное зрелище: стремительный Днепр нырял под каменный горб. И только когда мы были в нескольких сотнях метров от тупика, слева разомкнулась гранитная щель, и Днепр вильнул в нее под прямым углом. Через минуту-другую вслед за рекой мы круто поворачивали направо, с восточного направления на юго-западное

Этот зигзаг носит название Школы по имени жившего здесь когда-то запорожца. Ширина Днепра тут около 175 метров: огромные скалы и отвесы хмуро придвинулись к самой реке. Казалось бы Днепр должен был взбеситься в этих гранитных тисках. Но ни один камень не разрезал его гладкой ленты, и, как ни странно, его течение даже несколько замедлилось. Случилось это потому, что Днепр в этом месте не бил в лоб каменному

отрогу, а воспользовался естественной трещиной в нем и заполнил ее на сорок два метра в глубь. Такой непомерный массив воды и потерял свою скорость. Ударяясь на поворотах о стены, Днепр делает медлительные, но мощные круги. Трудно с громоздким плотом преодолеть эти многоэтажные струи. Сложилась даже поговорка, что «не той лоцман, кто порози проїдэ, а той, хто Школу минэ».

Едва мы обогнули последний гранитный угол, как наше внимание приковала стальная дуга Кичкасского моста. Это легчайшее сооружение повисло в воздухе: ни столбов, ни опор не опущено в реку. Мост шагнул сразу с берега на берег, крепко вонзив концы своей дуги в береговые граниты, — получилась чудеснейшая арка, просторные ворота в будущее. И в этой достойной и художественно оправданной раме мелькнуло нам первое видение Днепростроя.

Окутанный сизовой дымкой, к реке спускался величественный амфитеатр строительства. Вышки, леса, заводы, насыпи, шупальцы стальных чудовищ, поезда, рассыпавшиеся скалы, трубы, мачты — все это вставало вдали невиданным индустриальным разворотом. Трудно было оторвать глаза от этой панорамы. Недоуменно думалось: «Да полно? Может ли такое сделать человек?» Мы смотрели как зачарованные. А картина ширилась и прояснялась. Хотелось крикнуть: «Художника сюда! Настоящего, большого художника, делающего эпоху! Здесь сама природа в соединении с человеческим трудом дает и сюжет и раму».

А сколько бы свежее, действенного материала из этого грандиозного естественного макета почерпнул декоратор! У нас еще по сию пору, едва ли не от эпохи французского классицизма, по театральным занавесам летают этикие сусальные дивы, с пышными венками из роз па голове и медными трубами в руках, и раз'езжают «лавровые герои на огнедышащих конях». А кому, спрашивается, говорит теперь эта двухсотлетняя заваль? Не пора ли художникам, оформляющим театр, переселиться в наш век и оглянуться на землю? На земле кипит не выдуманная работа, человек искренно хочет добиться повои жизни, — и вдумчивый художник найдет для своего творчества тысячи ярких мотивов, вроде того, который мы видели на Днепре в рамке Кичкасской дуги.

Когда мы подплыли под кружевную арку моста и закинули голову назад, не верилось, что сталь под творческой рукой человека могла взлететь под облака. Но это было только начало нашего изумления, в следующие дни оно бурно росло под давлением цифр и фактов. Здесь мы впервые взглянули в окно будущего. Нам было известно, что с окончанием днепровской плотины Кичкасский мост будет залит, вернее, массив воды поднимется на эту головокружительную высо-

ту, а мост перебросят, кажется, на Турксиб¹⁾.

В самом зените дуги выделяются более светлой окраской два новых пролета—два шрама от гражданской войны. В суматохе отступлений и наступлений мост был взорван, и в разрыв были спущены два поезда с мукой, крупой) шинелями и скотом. На больших трагических полотнах всегда можно отыскать и комические штришки. Так и здесь. Рассказывают, что когда вагоны с высоты сыпались в сорокаметровую пучину, из одного каким-то чудом, как ловкий пилот из аварийного аэроплана, выскочила телка. Она сделала удачный прыжок в воду, а потом преспокойно вынырнула и благополучно выплыла на берег. Железнодорожный сторож, с болью и досадой наблюдавший за гибелью родной дороги, заметил и телкины пируэты. Он спустился с откоса, нашел героиню на одной из площадок под гранитной стеной и привел ее домой. Заслуженная телка, превратившись в отличную корову, до сих пор здравствует у своего «приемного отца».

Между тем нашего лоцмана уже охватила забота: повыгоднее продать лодку. Это обычный здесь оборот: покупают лодку около Днепропетровска, спускаются в ней через пороги, а на Днепрострое ее продают, благо тут огромный спрос на всякого рода суда и суденышки.

Коваленко на последнем километре дипломатично окликал всех встречных:

— Хлопцы, вы виткиля?

Ему отвечали. Тогда он без дальнейших церемоний, пока не разошлись лодки, коротко предлагал:

— Лодки вам не треба?

В ответ давали советы. Коваленко шарил глазами по берегу.

По мере нашего приближения панорама Днепростроя раздвигалась, захватив и весь левый берег. За внешним хаосом строительства мы еще не могли разглядеть закономерно рождающихся частей будущего гиганта.

Справа по всему взгорью рассыпались уютные домики бывшей немецкой колонии, теперь доотказа набитые служилым и экскурсантским людом. Внизу к береговому намыву вплотную приросла огромная флотилия плотов,— получился солидный бревенчатый пол, на КОТОРОМ почти до середины Днепра идилически раскинулась деревня фанерных домиков.

¹⁾ Кичкасский мост был построен в 1906 г. Он получил мировую известность: студенты и молодые инженеры со всей Европы приезжали изучать его конструкцию.

Мы обогнули ее и причалили недалеко от паровой пристани. Катера, шлюпки, челны стайками грудились около мостков самого разнообразного назначения. Мы вылезли на какую-то пловучую площадку, с которой на берег была переброшена доска. Старый Коваленко вмиг исчез, как оказалось потом, не без задней мысли.

Мы с Заславским сидели на своих котомках в позах и с мыслями людей, попавших на новое место и ещё не осмотревшихся. Вдруг какой-то человек в матроске заорал на нас:

— Для вас приготовили мостки? А ну, живо выметайтесь, граждане!—

Мы тоже понимающе хохотали, пожимая руку старому лоцману

и он свирепо ринулся к нам на пловучий островок.

Тут произошло нечто неожиданное. Плот в силу неумолимых физических законов от перегрузки медленно, но неуклонно пошел ко дну. Мы с Заславским подхватили наши поплывшие котомки и устремились на берег. Впопыхах мой приятель сорвался с доски и угодил по колена в прибрежную грязь, а я бежал до суши по лодыжки в воде. Через минуту, немного подмокнувшие, мы встали твердой ногой на днепростроевский берег.

Тем временем Коваленко привел покупателя. Нашу лодку подтянули к берегу. Пришедший критически оглядел ее и, медленно повернувшись, облил старого лоцмана презрительным насмешливым взглядом. Коваленко виновато смотрел в сторону.

— Шлюпка? — издеваясь, сказал покупатель. — Да этой твоей лоханке трешница красная цена... в субботу после обеда. С килем, говоришь.. Ах

ты, дурна скеля! Да ты бы обрезал сначала у своей старухи подол, да залатал бы свою шлюпку. Тоже гашит: посмотри! От дела только людей отрывают. — И незнакомец зашагал от берега иод хохот собравшей толпы. Старый лоцман что-то бурчал в свое оправдание. Потом он дипломатично отвел нас в сторону.

— Не возьмут за двадцать пять. За пятнадцать не найдешь.... Кильки ж я зароблю? — вздыхал Коваленко.

Мы простодушно утешали:

— Не огорчайтесь. До завтра еще авось найдется кто-нибудь.

Коваленко, вдруг на что-то решившись, быстро сказал:

— Пишите цидулку на пятьдесят пять.

— То-есть, это зачем же? — удивился я. — Мы заплатили вам меньше, а вы распишетесь на большую сумму?

— Э, платят мои гроши,— отмахнулся Коваленко. — Сготовляйте.

— Какой же толк? — продолжал недоумевать я. — Разве вам от этого легче?

— А як же? Десять карбованцев.

— Но, позвольте. Ведь мы же платим вам сорок пять?

— А, нет! Уж по росписке.

Тут только стал нам ясен тайный смысл этого окольного пути, и торопливость, с какою старый лоцман постарался инсценировать перед нами свою неудачу, была не безгрешна. Особенно это стало понятно на другой день, когда мы около автобуса встретили Коваленко, уезжавшего домой. Первым нашим вопросом было заботливое:

— Ну, как, продали лодку?

— А як же! — весело поднял брови Коваленко.

— За двадцать пять?

— Ого! — был сияющий ответ.

И мы тоже понимающе хохотали, дружески пожимая руку старому лоцману, у которого такие голубые глаза, что не сразу разглядишь в них «хитринку».

СКАЧКА СО „ЛЬВОМ“

(К рисунку на обложке)

Есть удивительная по красоте страна. Девять месяцев в году засыпана она снегом и отрезана от окружающего мира. Ушелья с отвесными скалами, на дну которых несутся бешеные черные речки; густые леса по скатам гор и роскошный ковер альпийских лугов наверху вперемежку с ослепительно белыми языками вечных снегов; головокру-жительные тропы по карнизам отвесных скал, зыбкие висающие мосты и наконец

селения с целым лесом высоких башен Это Сванетия.

Не удивительно, что в быту сванов сохранилось немало превобытных обычаев. Языческие и христианские обряды тесно переплелись. Наивный сван, прося что-либо у бога или у святого, с целью задобрить их кладет в образа кусок шашлыка. Созыв на какие-либо общественные собрания производится при помощи громадных труб (санквири).

Глубокой стариной, древнегреческой олимпиадой веет от некоторых празд-

ников сванов. В позднейшие времена эти празднества стали совершаться в честь Великого Джигита—святого Георгия. В этот день выносят шелковое знамя: это чехол, имеющий форму льва, в пасть его вставлен легкий железный обруч, через который в чехол должен проникнуть воздух. Всадник берет знамя и бешено скачет против ветра, стараясь надуть чехол, чтобы он принял форму льва. Для этого требуется большая ловкость. Селения гордятся своими джигитами, и подвиги их воспеты в песнях.

А.

Н.

сорванной тут же травой-иудкой. Пчелы не любят ее запаха. На мохнатые руки — рукавицы. Обшлага перевязал веревкой. Потом Ольхов собирает маленький костер. Веточки, хвоя, сверху смола, а на смолу — зеленые листья.

Через минуту костер запылал. Столб дыма, густого и едкого, поднялся, обволакивая дерево. Охотник суковатой палкой стучит по стволу. Яростный гул рассерженных пчел наполняет тайгу. Звонящим потоком они вылетают из дупла и в бешенстве, ослепленные, одурманенные дымом, рассеиваются. Самые смелые кидаются на человека. Задыхаясь от дыма, Ольхов стучит палкой, подкладывает в костер свежие листья и опять стучит. Пчелы покидают улей. Грабитель собирает в туес труд многих месяцев.

Ольхов — охотник не только за зверем, но и за пчелами. Где есть пчелы — есть и мед. Находились дупла в великанах-деревьях со многими килограммами меда. Все надо человеку, много у него уловов и хитростей. Обо всех не расскажешь.

Далеко ушел от дома Ольхов. Не относить же мед по частям. Лучше захватить с собой кадушку и складывать понемногу медовые запасы в укромном местечке. Ольхов так и делает. Возвращается в поселок и на утро уходит в тайгу с большой кадушкой.

Лето кончается. Накапливается в кадушке мед. На-глаз уже килограммов семьдесят будет хорошо спрятан. Это не надолго. Выроет кадушку Ольхов, поставит на телегу и увезет.

Пахнут в лесу опадающие листья осенью. Курятся сопки туманом. В падах по камням стекают холодные ручьи. Выпирают в лесу из земли голые уродливые скалы. Мокнет мох на стволах деревьев.

Охотник, сойдя с дороги, углубляется в заросли. Вот и тайник. Кадушка зарыта в земле. Берестяной круг вместо крышки. Сверху — еловые веточки, трава, прошлогодние опавшие листья.

Спрятав хорошенько последний вклад, уничтожив по возможности следы своего пребывания, осмотревшись, понюхав воздух, крестьянин вскинул берданку на плечо и бесшумным шагом зверобоя скрылся в лесу. Остался только запах смазанных дегтем сапог.

Мед, охотник Ольхов. Но медведица хорошо знала, что это еще не все действующие лица.

== МЕДОВЫЙ КЛАД ==

Рассказ-быль В. О. Нидуб

Сопки топорщатся остриями елей и сосен. Вдоль рек стоят лиственницы Много в тайге цветов. Пчелы собирают мед. У крестьянина Ольхова пасека. Он выдолбил колоды и подвесил на деревья. Так лучше, безопасней не только человек любит сладкое, но и звери. Крестьянин Ольхов кроме того охотник В поселке Щастливом у Ольхова пятистенка. В избе круглая хлопотливая жена. Трое маленьких крепышей ползают по полу.

Богата тайга, но надо знать, как подходить к богатству. Надо иметь неслышимый шаг, видеть на метр под землей, узнавать запахи и знать, кто прошел по тайге и кто должен пройти.

Ольхов собрался на охоту. Берданка, ягдташ, нож, спички, смола, марлевая сетка, рукавицы, туес. Поставил на пороге, потрогал громадной ручищей черную бороду.

— Жди к вечеру.

Жена закрыла за ним дверь. Изба стояла на оглетье, почти в лесу. Рядом протекала речка Югара.

Ольхов идет по лесу. Он в тяжелых сапогах. Но ветка не хрустнет пол каблуком, ни один камушек не сдвинется с места. Глубоко спрятанные под надбровными дугами глаза поблескивают умно и хитро.

Полянка. Цветы Ольхов останавливается. Деревья шумят верхушками А внизу тихо. Трава, хвоя, сырость и тьма. Летают пчелы. Неужели серьезный сорокапятилетний крестьянин пришел в лес позабавиться и мальчишкой побегать за пчелами?

Ольхов снимает картуз. Ага! Вот пчела сейчас улетит. Как раз эту самую пчелу и надо: она полетит прямо домой. Хлоп! Картуз накрывает пчелу. Ольхов сидит на корточках, занятый странным делом.

Ловко и умело корявыми, но послушными пальцами держит пчелу за крылышки. Шарит вокруг. Находит листик. У легкого листка одна сторона серебристая, другая темная. Издалека будет виден. Ольхов прикрепляет к пойманной пчеле листик. Выпрямляется и выпускает пленницу. Пчела негодующе жужжит. Она поднимается высоко-высоко. Листик тянет вниз. Пчела опускается. Покружившись, она выбирает направление. Пчела летит к улью всегда по прямой линии. Ольхов быстро бесшумно идет за летящим листиком. Конечно не пчелу он боится спугнуть: это привычка охотника.

Листик летит. Ольхов следует за ним. Может и много придется пройти: иные пчелы залетают от улья на семь-десять километров. Полдень. Охотник следит за полетом пчелы, а сам ловит ухом шумы и шуршания. Зверь врасплох не застанет: в берданке пуля с насечкой.

Охотник останавливается: листик пропал, пчела освободилась от него. Ольхов снова снимает картуз и выбирает нужную пчелу, ту, что набрала цветочную пыльцу и должна полететь домой. Снова приклеивается листик. Опять Ольхов следует за пчелой. Но неожиданно пчела направила в другую сторону. Со взвизгом направления сбиваться не надо. Пришлось поймать третью пчелу. Она и привела охотника к улью. Привычное ухо уловило гудение.

Старая лиственница протянула к небу голые узловатые сучья. Старчески раздутыми венами змеились в траве корни. На стволе — наплывы и мох. А вверху, на высоте человеческого роста — дупло. Ольхов одобрительно кивает головой. Приступим! Надевает на голову марлевую сетку. Перед этим он натер лицо

— Урру! — позвала она ласково медвежонка. — Не уходи далеко. Я чувствую опасность. Пахнет людьми.

Ветер дул медведице в спину. Сзади шли люди. «Не меньше четырех» — определила медведица. А навстречу шел человек с извергающей огонь палкой. Медведица хотела уйти. Незаметно уйти в сторону с этой прямой линии, на которой так много врагов.

Ольхов увидел зверя. И тут он сделал единственную и последнюю в своей жизни оплошность. Законы тайги не терпят нарушений. Ольхов не выпустил изо рта дымящуюся трубку. А затем — он поторопился. Скинул берданку и приложился. Дунул за секунду перед этим ветер, и едкий махорочный дым попал в прищуренный левый глаз. Этого было достаточно. Блеснул огонь. Выстрел разорвал воздух. Упала срезанная ветка с дерева. Взвизгнула пуля и умчалась в чашу.

Пахнет порохом. Медведица дергает правой лопаткой. Там сидит пуля. Давно это было. Пуля заросла мясом, но воспоминание осталось. Медвежонок в испуге кидается под ноги лохматой матери. Что такое? Любимца, красавца, единственного сына Урру обидели?

— Стой здесь и не шевелись, — приказывает медведица, поднимаясь на задние лапы, — а я пойду расправлюсь с человеком...

Она грозно заревела и бросилась вперед. Сучья трещат, молоденькие деревца подламываются, медведица страшным танком проламывается сквозь чашу.

Ольхов не успел вторично зарядить берданку. Схватился за нож. Но было поздно. Черная масса надвинулась на него обвалом. Охотник успел увидеть только кусочек неба, несколько верхушек деревьев, траву на поляне и рыжее брюхо зверя. Медведица опускает тяжелую лапу на голову человека...

— За мной — приказывает, обирачиваясь, медведица. На шее и на спине гневно топорщится шерсть. Глаза налиты кровью. — Сзади идут люди. Много людей. Бежим! Живо, Урру!..

* *

— Ясно как апельсин, — сказал начальник лесного изыскательного отряда, наклоняясь через минуту над телом охотника. — Черным по белому написано.

— Красным по зеленому, — исправил неточное выражение начальника товарищ Дорохов, глядя на кровь и примятую траву.

— Инь так, — согласился начальник. — Крепко сделано. Большущий медведь.

— С медвежонком, — добавил Дорохов. — Вы слышали выстрел? Охотник промахнулся...

На подводе сидели двое Ивановых: Иванов-первый правил лошадьё, Иванов-второй, поджав по-турецки ноги, старался свернуть козью ножку. Колеса стучали о корни.

— Ну и дорога! Тпр-ру! — говорит Иванов-второй, облизывая папироску толстым как у коровы языком. Иванов-первый натягивает вожжи.

— Сейчас они вернутся. Нашли что-то.

Телега стояла на дороге. К дороге шумящими стенами подошел лес. Уходили в тайгу тропы и тропочки, неизвестно кем проложенные, людьми ли, зверями ли. Рос папоротник в рост че-

ловека. Гигантские сосны монотонно гудели в вышине громадными ветками. Назойлив» пел комар. Мошкара толкалась столбом над телегой и двумя Ивановыми.

Начальник поднимает берданку.

— Айда, — говорит он Дорохову. — До вечера на речку Юргара должны прибыть. Этот охотник вероятно оттуда. Мы сообщим. Там поселок Щастливый, первый наш пункт.

— Щастливый, — поправляет Дорохов.

Кстати, у Дорохова лицо всегда чисто выбрито. Когда это и как он ухитрится уничтожить свою черную растительность, остается загадкой. Начальник же уходит в тайгу чистым и молодым, лет этак тридцати пяти, а по возвращении автомобиля шарахаются в сторону, такая чудовищная борода у него вырастет.

— Нет, Щастливый. Запомните: ша, ша.

— Э-гей! — кричит Иванов-первый, придерживая лошадь, потому что она боится его медвежьего рева. — Э-о-го-го-о!

Снова едет телега. В ней сидят четверо, обсуждая виденное. Иванов первый понукает лошадь, то подбадривая ее ласкательными именами, то ругая страшным голосом. Иванов-второй плюет на широкую ладонь и тушит об нее папироску. Окурок прячет за ухо. На его широком, немного скуластом лице полное безразличие. Мало ли что в тайге бывает!

Начальник говорит мало. Вчера только что собирался сказать о красоте одной корявой ели, как колесо наехало на камень, и он очень больно прикусил язык. Лучше помолчать. Дорохов вообще неразговорчив. Ему только бы все исправлять да критиковать. Уж-жаснейший человек! А в шахматы дуется здорово.

* *

Озера разбросаны кусочками синего неба. Пади, крутизны, логи, таежники. Живут в лесу русские, орочены, манегры, гольды, ульча, неги дальцы, самагиры, ороки и пришлые с юга племена яо, мяо-це и си-факсей с неведомыми лингвистам языками, с тысячетлетней историей и потерянными во мраке времен расовым началом. Охотятся на харгу — гималайскую куницу, рысь, тигров, горалей — амурских антилоп — лосей, зайцев — с ружьями кремневыми, шомпольными и новейшими винчестерами. Одеваются в шкуры зверей, в рыбы кожи, в кору деревьев. Поклоняются и богу, и богам, и боженькам. Ставят силки, кулемки, слои-

Черная масса надвинулась на Ольхова.

цы и плашки (приборы, придавливающие пойманного зверя к земле), черканы, прижимы, оленьи башмаки, самострелы, копают ямы, расставляют сети-обметы и рукавники, начинают приманку стрихнином. Гоняются за зверем в лесу днями, неделями, становятся жертвой хищника-зверя и хищника-человека. А тайга шумит вечно. Буреломы, сухостои, пожарища, болота и топи делают ее страшной и загадочной. И звери в ней дикие, и люди...

«Нет, люди страшней!» — думала убегающая медведица. Бежала она быстро, смешно и неуклюже подбрасывая задние лапы. Переваливалась через препятствия грузным мешком, не останавливалась у муравьиных куч. Урру катился шариком, повиз-

— Урру!! — взревела мать — Где ты, мой Урру?

Медведица ткнула нос в землю и почувствовала раздражающий запах человека. Он был здесь совсем недавно и пошел по краю этого лога воина тот холм, а оттуда спустился в лес и по тропочке направился на север. С севера пахнет дымом. Но человек не мог далеко уйти. Хуже всего запах дегтя. Зачем человек мажет себя дегтем? Запах бесит медведицу. Она кружится вокруг кучи хвороста и валежника. Где Урру? Уж не человек ли утащил его? Вперед! В погоню! Медведица прикладывает уши к голове, вздымает на спине шерсть и в слепой ярости со скоростью мчащейся в испуге лошади бросается по следам человека.

С помощью веток и палок был вытащен бедный Урру.

гивая и цепляясь за шерсть мамы. Он усиленно сопел носом и таращил крохотные черные глазки.

Куда торониться? Урру скулит. Вот муравьиная куча. Как хорошо было бы полакомиться. Но медведица увесистыми шлепками подгоняет медвежонка. Надо бежать. Кругом опасность. Порох пахнет смертью. Урру должен запомнить запах человека. Медведица торопливо продирается по лесу. Надо уйти подальше. Сзади идут люди. Скорей, скорей!

Но тут случилось непредвиденное. Медведица покатила кубарем. Куда-то провалилась ее лапа, другая повернулась, затрещал хворост, грог-пули дерева от яростного вопля. Медведица вскочила на все четыре лапы, грозно мотая головой.

— Урру! — позвала она.

Но медвежонок исчез.

— Стой! — говорит начальник и кладет руку на плечо Иванова-первого. Лошадь останавливается и тревожно настораживает уши. Все четверо слушают. Слушают долго. Звуки, доходящие до них, ни на что знакомое не похожи. Нето кто-то фыркает и захлебывается, нето плачет ребенок, нето скулит шенок.

Начальник берет двухстволку. В обоих дулах пули.

— Идем! — говорит он

Дорохов неслышно спрыгивает и устремляется за начальником, прихватив свою берданку.

— Малость покурим, — вздыхает тяжело Иванов-второй, доставая окурочку козьей ножки из-за уха. — Вот страсти-мордасти! Опять что-то неладное. Будет о чем в городе поболтать.

Начальник и Дорохов осторожно крадутся по лесу. Раздвигают лапы елей, скользят по мягкой хвое, чуть слышно шуршат опавшей прошлогодней листвой. Звуки приближаются и усиливаются.

— Здесь тоже была медведица, — бормочет начальник.

— И медвежонок, — добавляет Дорохов.

Начальник морщится. Но это потом, в поселке Щастливом он поставит на вид товарищу Дорохову его некорректное поведение. Да, конечно, и медвежонок. Начальник и сам это знает, нечего ему указывать все время... Стоп!

Стоя за деревом, оба вытягивают шею и слушают. Дорохов даже поджал ногу охотничьей собакой. Начальник слушает долго. Его маленькие быстрые глазки обегали все предметы. А потом на лице появляется улыбка. Начальник потешно смеется: сперва трясется живот, потом грудь, затем в груди начинается квохтать курица, кожа собирается у глаз мелкими складочками, раскрывается рот, и оттуда, из этой дыры, отороченной черной бахромой бороды, вылетает громоподобный смех.

Иванов-первый соскакивает с телеги и хватается лошадь под уздцы. Лошадь боится смеха начальника.

— У-у, леший! — укоризненно бормочет Иванов-первый. — Ну и смехота на него напала!

Иванов-второй с восточной бесстрастностью выжидает дальнейшего. Клубы дыма тают в воздухе.

Дорохов и начальник разгребают хворост, разбрасывают ветки, заглядывают в яму. В ней затыка деревянная кадушка. Крышка у нее продавлена. Внутри мед. На-глаз — все семьдесят килограммов будут. А в меду барахтается медвежонок.

Соединенными усилиями с помощью веток и палок был вытащен бедный Урру. Но какой у него был вид! Вся шерсть слиплась. Мед стекал с него струями, в шерсти застряли листья и веточки. Урру не мог двигать лапами. Он превратился в тягучий липкий ком. Медом залеплены и глаза и уши. Раздувшиеся бока указывали, что и внутри медвежонок меду было достаточно. Урру не шевелился. Еще немного, и он задохнется.

Начальник вставляет в рот два пальца и свистит. Это значит — он требует на помощь Ивановых. От разбойничьего свиста приседает не только Дорохов, но и лошадь, а Иванов-второй от неожиданности глотает дым.

Неподалеку протекал ручей. Иванов-второй, примчавшийся на призыв начальника, приносит ведро. Дотронуться до медвежонка невозможно. На него льют воду. Мед стекает. Льют десятки ведер. Медвежонок по-прежнему приходит в медвежий вид. Открываются черные глазки, двигаются уши. Маленькими лапами Урру неуклюже трет себе морду. Вовсе уж не такие страшные эти люди. Если бы не они, пропал бы он в этой ужасной яме.

Медвежонок мучает жажда. Внутри жжет огнем. Пока льют воду, он жадно подлизывает ее с земли, лаккает из лужиц. И довольно урчит. Но потом наступает неизбежное. Очень вкусен мед, но Урру наглотался его в таком количестве, что желудок не выдержал...

— Его тошнит, — говорит начальник.

— Его выворачивает наизнанку, — поправляет Дорохов. — Ничего, ничего, мишка, легче будет. А как тебя звать?

— Урру. — ворчит медвежонок, глядя на спасителей жалобными глазками.

— Урру? Хорошо! Ничего, Урру, пройдет, — утешает Дорохов. — Всяко бывает. Надо терпеть. Начальник, сказать бы Ивановым — кадушку забрать. Трофей все-таки.

— Начальник заглядывает в яму и отрицательно трясет головой.

— Не выйдет дело. Медвежонок с испугу и от вынужденного объеденья

был болен. И врагу такого расстройства желудка не пожелаешь. Мед пропал. Ну, ладно, айда!

— А Урру? — спрашивает Дорохов, скребя липкие бока медвежонка. — Ведь с нами?

— Ясно как апельсин, — отвечает начальник.

Иванов-первый встретил нового члена отряда восторженно. Урру даже не надо было подгонять. Он сам собачонкой бежал за людьми. Страшновато все, правда, и необычно, но уж не так, как мамаша рассказывала. Всегда эти мамыши: того не делай, этого не делай, туда не ходи. Все они такие.

В речке Югара медвежонок мыли все четверо. Урру это не особенно нравилось. Но ничего не поделаешь. Зато люди хорошие. Куда начальник, туда и Урру. Он полюбил и остальных и ездил вместе с ними на телеге.

Через две недели отряд возвращался в город. Отцвели цветы. Не пахло в лесу медом. Пахло осенью, желтым листом, гниющим деревом, прошедшим зверем, прокравшимся человеком. Отряд ушел на юг. Медвежонок Урру следовал за ним.

— Слышь-ка, спроси у медвежонка, хочет ли он меду, — поучал Иванов-первый какого-нибудь простофилю.

Если тот подходил и задавал вопрос: «Урру, хочешь меду?» — то медвежонок сердито фыркал и, подняв лапу, закатывал обидчику увесистую затрещину.

заранее застраховать себя от страшных болезней, пока я еще был у них.

Но, конечно, пациенты не везде так охотно шли к нам и частенько нам приходилось платить им, вместо того, чтобы получать от них плату за свой труд. Отправляясь на Аляску, я намерен взять с собой запасы носовых платков, табаку, лент и прочих предметов в качестве премий для добровольцев. Я надеюсь также сделать рентгеновским аппаратом несколько снимков с челюстей туземцев, которые будут утилизированы при организации зубоветеринарной помощи эскимосскому населению».

В распоряжении экспедиции Вога имеется и фотоаппарат, так как доктор ставит себе целью делать снимки со всех предметов обихода эскимосов.

В. Т.

ПОДНЯТИЕ СУДНА, ЗАТОНУВШЕГО 33 ГОДА НАЗАД.

Исследуя французский берег Атлантического океана в поисках затонувшего судна «Египет», шедшего с грузом золота, итальянские водолазы с парохода «Артиглио» наткнулись под водой на остов какого-то судна и заявили о своем намерении сделать попытку спасти его груз. Найденный корабль сначала был принят за «Египет», но вскоре обнаружили, что это британское судно «Друмонд Кестль», которое затонуло, наткнувшись на риф, к юго-западу от острова Молен у изобилующего рифами французского берега. Остов находится на глубине, около 70 метров, но итальянская экспедиция оборудована настолько хорошо, что можно надеяться на полную удачу предприятия.

Пароход «Друмонд Кестль» потерпел аварию в ночь на 17 июля 1890 года, и из 205 человек пассажиров и команды спаслись только трое. Они были подобраны рыбаками, после того как продержались двое суток на воде, цепляясь за обломки. Документы показывают, что судно, возвращавшееся из Кептауна в Плимут, имело на борту богатый груз кораллов, золотых слитков и алмазов из копей Южной Африки. Если бы все это могло быть извлечено со дна океана, где судно пробыло 33 года, водолазы были бы щедро вознаграждены за свой тяжелый труд.

В маленьком рыбацком городке Молен еще многие помнят катастрофу, происшедшую с «Друмонд Кестль». Налетев на риф, судно было буквально разрезано пополам и погрузилось в воду в течение трех минут. Пассажиры, находившиеся в каютах, утонули, лежа на койках. Некоторые были затянуты за дно воронками, образовавшимися при погружении судна. Трое спасшихся рассказывали, что многие из их спутников долго держались над водой, цепляясь за обломки, но постепенно один за другим, обессилив, погружались в воду. Сотни лодок обыскивали море в продолжение нескольких дней после крушения в надежде подобать спасшихся. В числе тел, выброшенных на берег, было обнаружено тело женщины, все еще прижимавшей к себе ребенка.

Е. Т.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ЭСКИМОСЫ И ЗУБНАЯ БОЛЬ

По словам доктора Л. М. Бога, работающего в зубоветеринарном институте при Колумбийском университете, некогда превосходные зубы эскимосов в настоящее время под влиянием культуры быстро портятся. Новая пища создала НОВУЮ проблему для обитателей северных пустынь Аляски в форме зубной боли. Эскимосские дети не страдали от зубной боли до тех пор, пока их матери не начали давать им на десерт патоку вместо рыбьего жира.

Доктор Бог в течение трех лет изучал состояние зубов у эскимосов на Лабрадоре и намеревается произвести такое же обследование на Аляске. Экспедиция его ставит себе двойную цель: исследовать состояние зубов и челюстей туземцев, не вошедших в соприкосновение с цивилизацией и питающихся сырым мясом и рыбьим жиром, а затем оказать помощь тем эскимосам, которые живут вблизи от поселков белых и переняли от них несвойственную им прежде пищу, а потому страдают

от разрушения зубов. Экспедиция снаряжается Министерством охраны здоровья и имеет в своем распоряжении полное оборудование зубоветеринарного кабинета и рентгеновский аппарат, которые впервые появятся в этих северных широтах. Крайней точкой исследования будет бухта Мекензи, где Вот рассчитывает найти эскимосов, не знакомых с культурой, если не считать периодических посещений их скупщиками мехов.

Ужасы зубной боли эскимосов описаны доктором Богом в его отчете об экспедиции на Лабрадор. «Однажды я удалял больной зуб у старшины, в то время как представители его рода стояли кругом с перекошенными от ужаса лицами при виде страшных инструментов, которыми я работал. Операция прошла легко и безболезненно, так что пациент даже не заметил ее окончания до тех пор, пока я не показал ему извлеченного зуба. На другой день меня обступила целая толпа эскимосов, требовавших, чтобы я удалил им все зубы. При этом они открывали рот и показывали целые ряды совершенно здоровых зубов. Переводчик объяснил мне, что напуганные перспективой зубной боли туземцы хотели

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

НА ЖУРНАЛ
ДЛЯ СЕМЬИ
И ШКОЛЫ

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

VI год издания.

„СЛЕДОПЫТ“ дает увлекательное чтение, построенное на образовательном материале для читателей всех возрастов.

„ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“ в 1930 г. дает своим подписчикам:

12 НОМЕРОВ
ЖУРНАЛА „ВСЕМИРНЫЙ ТУРИСТ“

Иллюстрирован, ежемесячник путешествий и туризма в СССР и в других странах.

24 КНИГИ

СОБРАНИЯ
ФАНТАСТИЧ.
ПРОИЗВЕД.

Г. УЭЛЛСА

Это общедоступное издание собр. соч. популярного автора является ценнейшим вкладом в библиотеку каждой семьи, школы, клуба, избы-читальни.

Каждая книга будет выходить объемом 128—160 страниц.

В отдельную продажу книги Г. УЭЛЛСА не поступят, и подписка на них ОТДЕЛЬНО НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

30 дней
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК

ПЕРВЫЙ В СССР ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

VI
ГОД
ИЗДАНИЯ.

Вступая в 1930 году в 6-й год своего существования, журнал попрежнему будет держать твердый курс на массового советского читателя.

Журнал ставит своей задачей давать разнообразный политический, литературно-художественный, культурно-экономический и бытовой материал в живой, увлекательной и популярной форме.

В журнале попрежнему будут сотрудничать лучшие советские писатели и поэты.

В статьях и очерках „30 Дней“ развернут важнейшие вопросы социалистического строительства, обращающие особое внимание на популяризацию вопросов, связанных с проведением пятилетки. Постоянные отделы журнала будут расширены.

В 1930 году „30 ДНЕЙ“ дает своим подписчикам
12 КНИГ ИЛЛЮСТРИР. ЖУРНАЛА
В КРАСОЧНОЙ ОБЛОЖКЕ

24 КНИГИ
СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ

В. Г. КОРОЛЕНКО

6 КНИГ

„БИБЛИОТЕКИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ“

Ф. ГЛАДКОВ. — Старая секретная.
Б. ГОРБАТОВ. — Ячейка.
М. ГРОМОВ. — За крестами.

Г. НИКИФОРОВ. — Женщина.
А. НОВИКОВ-ПРИБОЙ. — Женщина в море.
Дм. ФУРМАНОВ. — Семь дней.

6 КНИГ
СОБР.

Б. КЕЛЛЕРМАНА

„Туннель“, „Ингеборг“, „Братья Шелленберг“, „События в жизни Шведеннлея“ и др.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

I-й абонемент (12 книг „30 Дней“, 6 кн. „Б-ки Советских Писат.“ и 6 кн. Б. Келлермана) — на год — 10 руб., на 6 мес. — 5 р. 25 к., на 3 мес. — 2 р. 75 к., на 1 мес. — 1 р.

II-й абонемент (все, что дается по I-му абонементу и 24 книги собр. соч. В. Г. Короленко) — на год — 15 р., на 6 мес. — 8 р., на 3 мес. — 4 р. 25 к., на 1 мес. — 1 р. 50 к.

При подписке непосредственно в Издательстве или его Отделениях допускается рассрочка:

По I абонементу — при подписке — 3 руб., к 1-му апреля — 2 р. 50 к., к 1-му июля — 2 р. 50 к. и к 1-му октября — 2 руб.

По II абонементу — при подписке — 4 р. 50 к., к 1-му апреля — 4 р., к 1-му июля — 3 р. 50 к. и к 1-му октября — 3 руб.

Годовые подписчики, внесшие при подписке непосредственно в Издательство или его Отделения до 20-го декабря 1929 года полную подписную плату, — получают бесплатно дополнительную премию — роман Эриха Марии Ремарка „На Западном фронте без перемен“.

Подписку и деньги направлять Москва, Центр, Никольская, 10/2. Гос. Анц. Изд. 0-во „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

также во всех Отделениях и Представительствах Издательства, в отдел. и магазинах Госиздата, повсеместно на почте, в киосках Монтир-агентства Печати, во всех отдел. центральных издательств и на транспорте уполномоченными газетой „Гудок“.

ВРЕМЯ

ЖЕЛАЮЩИМ МУЖИЧКОМ ПЕРВЫЙ, ПРЕКРА-
ТИТЬ ВЫПАДЕНИЕ ВОЛОС, УСИЛИТЬ РОСТ
И СДЕЛАТЬ ИХ ИЩУЩИМИ И ШЕЛКОВИСТ.

РЕКОМЕНДУЕМ
ЖИДКОЕ МЫЛО „ЧУЧА“
Цена флакона 2 рубля.

ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО „ЧУЧА“
имеет нежный, черующий запах,
спаживает морщины, сушит поры
и делает лицо нежным и чистым.
Цена 2 рубля кусок.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ
ИЛИ ВЫПИСЫВАЙТЕ ИЗ ЛАБОРАТОРИИ ГАММА
Москва, М. Дмитровка, 19/1. (Цены без пересылки.)

ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК
всем желающим по самоучителю
ПОЛНЫЙ КУРС
КРОЙКИ И ШИТЬЯ
Р. Ивасенко, Жевских, дет-
ских верхних вещей в плать-
ев, мужского, женского и
детского белья.

В книге 300 рис., чертежей и
выкроек. Цена с пересылкой
3 р. 35 к. Книжный склад
„Книгосбыт“ М. А. Ивасен-
ко и Ко. Москва, „9“.

СЕКАРОВСКАЯ
ЖИДКОСТЬ
EXTRACTUM
TESTICULARUM

СЕКАРОВСКАЯ
ЖИДКОСТЬ

ВЫТЯЖКА ИЗ СЕМЕННЫХ ЖЕЛЕЗ
ПРЕПАРОВАНА ПО СПОСОБУ ПРОФ. Д-РА БОДАНЕДА

ПОИ-
ОТСУТСТВИИ
В МЕСТНЫХ
АПТЕКАХ И
МАГАЗИНАХ
САНИТАРНОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
ВЫСЫЛАЕТ
ЛЕ МЕНЕЕ
2 ФЛАКОНОВ
ПО ПОЛУЧЕНИИ
95% ЗАДАЧА

ПРЕЙСКУРАНТ
ВЫСЫЛАЕТСЯ
БЕСПЛАТНО

ОТДЕЛ
ГЛАВНОГО
В МОСКВЕ

ЛАБОРАТОРИЯ
КООПЕРАТИВА

ГЛАВНОГО

20 КОП. МЕЛК. П/МАРК. МИ
СПРАВОЧНИК
Зачисленных Госнурсое
КРОЙКИ И ШИТЬЯ
вышивания, головных уборов,
кружеводов и закройщиков.
Москва, 9. Тверская, 24.

ПОРТРЕТ ХУДОЖЕСТВЕН.
увеличенный
с любой фотограф. карт., размер с
паспорту: 27x34 см.—5 р., 32x40
—7 р., 44x53—10 р., 54x68—15 р.
Тон сепии (корич.) на 20% доро-
же. Зак. выс. нел. плат. без задатка
через 10 дней. Карточка нозвращ.
Москва, почт. аб. ш. 574/В. худ. А. ДЕНИН.

УЧИТЕСЬ САМИ

ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИ-
ТЕЛЕЙ ПО НОТНОЙ ИЛИ ЦИФРО-
ВОЙ СИСТЕМЕ:

НА ГАРМОНИНЕ
Самоуч. Сергеева и Голубева
для венск. дуэт. русск. или
нем. строя 21 кл. 12 бас., с при-
ложением 20 пьес. Ц. 1 р.

НА БАЛАЛАЙКЕ
Самоуч. Илюхина. Цена 1 руб.
Ильин А. — Самоуч. (только по
цифровой системе). Ц. 50 к.

НА МАНДОЛИНЕ
Самоуч. Петрова. Ц. 1 руб.

НА ГИТАРЕ
Самоуч. Успенского. Ц. 1 р. 50 к.
Заказы до 5 руб. высылаются
налож. плат. без задатка: свыше
5р.—по получ. вататка. Перем-
ка за счет заказчика. Москва,
Центр. Неглинная, 14/31.
МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА.

МУЗЫКА БАЯНЫ 40 клан. 70 бас. — 225 и
250 р.; 49 кл., 90 бас — 370, 350
и 400 р. ГАРМОНИКИ, 2-рядн.
в 35, 40, 45, 55, 65, 75, 85, 100
и 150 р. ГИТАРЫ в 18, 20, 25,
30, 40 и 50 р. МАНДОЛИНЫ
в 15, 18, 20, 25, 30, 40 и 50 р. БАЛАЛАЙКИ в 5, 6, 7, 8, 10, 12,
15, 20, 25 и 30 рублей.

ПОЛНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ. БАЛАЛАЙКИ. ОРНЕСТР.
Прейскурант за две 10-коп. марки высылают
1-е МОСКОВСКОЕ МУЗЫКАЛЬНОЕ Т-ВО
Н. Т. Авилон, А. К. Соколов и Ко. Москва, Тверская 26/В.

КАЧЕСТВО ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ!
Вместо снижения цен, значи-
тельно улучшено качество
ТОЧНАЯ КОПИЯ ИНДИЙСКОГО
ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНИЕ—ЛУЧШИЙ ПОДАРОК
ТЯЖЕЛОВЕСН.
МАССИВНЫЙ **ЖЕМЧУГ**
НЕБЫЮЩИЙСЯ
ОЖЕРЕЛЬЕ—45 см. с сер. замк.—8 р.
10 к., 60 см. с сер. замк.—10 р. 50 к.,
75 см. с сер. замк.—12 р. 50 к., 100 см.—
15 р., 125 см.—19 р., 150 см.—22 р., 180 см.—
28 р., 200 см.—33 р.

Ожерелье высыл. по желанию на узлах белый, крем., бледно-
розовый, золотист., бронзов., красный, зеленый и серо-голубой
обыкновен. разм. и крупн. 11—12 мм. **СЕРЬГИ**—подвески на 4
жемчужки—3 р. 75 к. **СЕРЬГИ** крупная жемчужина—5 р. 50 к.
СЕРЬГИ для непроколотых ушей—5 р. 80 к. в серебр. и золо-
тенной оправе. **НОВОСТЫ** Кольца с одной крупной жемчуж-
кой в серебр. оправе ювелир. работы—5 р. 75 к. Укажите
объем пальца. Все изделия отправляются в оригинальных изящ-
ных футлярах. Безупрочное, точное выполнение заказов. Имеются
благодарности. Цены указ. с упаковк. и пересыл. Высылают
без задатка налож. плат. Худож. маст. Ф. Л. НАПЛАВ.
МОСКВА, Потемковский пер., 10, кв. 24. Заказы направлять:
МОСКВА, Почтамт, почтовый ящик 945/Т.

СПЕШИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА КРЫШКИ
ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА КОМПЛЕКТОВ
„ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“ И СОЧИ-
НЕНИЙ ДЖЕКА ЛОНДОНА (48 книг).

Все крышки будут изящно выполнены,
гранитовые, с золотым тиснением.

Условия подписки смотрите в журнале „Вокруг Света“ № 21.
Отдел Период. Изданий Госул. Акции. Изд. О-ва
„ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА.“

ВСЕРОССИЙСКОЕ АКЦ. О-ВО „СОВЕТСКОЕ КИНО“
„СОВКИНО“
Москва, Тверская, Мал. Гнездниковский, д. 7.

ЛЕДЯНАЯ СУДЬБА

Кино-повесть в 6 частях.

СЦЕНАРИИ
БОР. БРОДЯНСКОГО и В. ПЕТРОВА
ПО ЛИБРЕТТО БОР. БРОДЯНСКОГО
РЕЖИССЕР ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ
СОРЕЖИССЕР МАРК ГАЛЛ
ОПЕРАТОР В. БЕЛЯЕВ
ХУДОЖНИК И. П. МАХЛИС

СЪЕМКИ ПРОИЗВОДИЛИСЬ НА ОСТРОВАХ СЕ-
ВЕРНОГО ПОЛЯРНОГО МОРЕЯ И НА КОЛЬСКОМ
— ПОЛУОСТРОВЕ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ —

В главных ролях:
ВЕРНИКА БУЖИНСКАЯ,
НИКОЛАЙ ПРОЗОРОВСКИЙ,
О. ЖАКОВ, В. ВИКУЛИН,
Д. ЗАЙЦЕВ, Ф. ХОХЛОВ.

К сведению анонсодателей. Тариф объявлений в журнале „Вокруг Света“ устанавливается следующий:
1 страница — 1750 руб., 1 строка конпарели — 3 руб. Сверх тарифа — госналог 10%

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1930 ГОД

НА

ВОКРУГ СВЕТА

ЖУРНАЛ САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ ИЗДАНИЕМ
ВЫХОДИТ

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ПОЗДУХЕ.

ВЫХОДИТ В 1930 г. КАЖДЫЕ 10 ДНЕЙ,

ВСЕГО 36 номеров в год.

В качестве приложения будет дано в 1930-31 годах

48

КНИГ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ
ПОПУЛЯРНЕЙШЕГО ПИСАТЕЛЯ

ЖЮЛЯ ВЕРНА

В 1930 году БУДУТ ДАНЫ ПЕРВЫЕ 24 КНИГИ

(объем каждой в 128—160 страниц большого формата), в которых будут помещены следующие романы Жюль Верна: „ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА“. — „ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ“. — „20.000 ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ“. — „ГЕКТОР СЕРВАДАК“. — „УПРЯМЕЦ КЕРАБАН“. — „ВЕЛИКОЛЕПНОЕ ОРИНОКО“. — „В СТРАНЕ МЕХОВ“. — „ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН“. — „СЕВЕР ПРОТИВ ЮГА“. — „ДЖАНГАДА“. — „ЛЕДЯНОЙ СФИНКС“.

Книжки эти в отдельную продажу НЕ ПОСТУПАЮТ, и подписка на них, отдельно НЕ ПРИНИМАЕТСЯ.

Подписчики, подписавшиеся в Издательстве и ЕГО ОТДЕЛЕНИЯХ, будут получать журнал и приложения в бандероли с наклейкой адреса.

Подписку и деньги направлять по адресу: Москва, Центр, Никольская, 10. 2

ГОСУД. АКЦ. ИЗДАТ. О-ВО

„ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“.

В МОСКВЕ ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ в Городском Отделе Издательства: Никольская, 10, — от 10 до 8 час. вечера, в магазинах Изд. „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“: Столешников, д. № 9; Пушкинская, Лубанский лас., помещения 25 и 60; Товарская, д. 26. Уполномоченные Издательства по первому требованию по телефону 2 24-63 направляются для приема подписки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ также во всех Отделениях Издательства „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“, в книжных магазинах Госиздата, во всех почтовых конторах, в книжных шкафах Контрагентства Печати и во всех конторах центральных издательств, принимающих подписку на периодические издания.

4-й ГОД ИЗДАНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„Земля и Фабрика“

МОСКВА

ЖУРНАЛ БУДЕТ ВЫХОДИТЬ в 1930 г. в НОВОМ ОФОРМЛЕНИИ — ЦВЕТНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ОБЛОЖКЕ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЯ (I абонемент):

на год (36 номеров) — 3 р. 20 к., на 6 мес. — 1 р. 65 к., на 3 мес. — 85 к., на 1 мес. — 30 к.

С ПРИЛОЖЕНИЕМ (II абонемент):

на год (36 номеров журн. и 24 книги ЖЮЛЬ ВЕРНА) 7 р. 60 к., на 6 мес. — 4 р., на 3 мес. — 2 р. 15 к., на 1 мес. — 75 к.

При подписке на год по II абон. допускается рассрочка платежа: при подписке — 3 р., к 1 мая — 2 р. 25 к., к 1 сентября — 2 р. 25 к.

ВСЕ ПОДПИСАВШИЕСЯ на „ВОКРУГ СВЕТА“ и „ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ“

и внесшие до 20 декабря с.г. годовую подписную плату полностью на оба журнала непосредственно в Издательство или его Отделения получают БЕСПЛАТНО дополнительную премию — книгу ДАНИЭЛЯ БЕРСО

„РАБЫ КОНГО“